

Завтра, 20 сентября в Государственном музее изобразительных искусств им. Пушкина откроется необыкновенная выставка. Необычность ее заключается в том, что, прежде чем попасть в Россию, почти вся экспозиция долгие годы провела... в изгнании. С работами неофициальных русских художников знакомились в Париже и Лондоне, Нью-Йорке и Токио, но от нас они были укрыты по ту сторону «Железного занавеса». Для нас этих работ как бы и не существовало, поскольку они никак не укладывались в

чилось с коллекцией?

— Да, к 1975 году ситуация сложилась критическая. Выбор у меня был небольшой. Либо психушка, либо отъезд. Одним словом, меня вынудили уехать. И разрешили взять с собой 80 работ. А к этому времени у меня их было около 500! Но я уехал и через три дня уже открыл первую экспозицию русского неформального искусства в венском Кюнстлерхаузе. Но мечта была создать постоянно действующий музей. Здесь мне очень помогли Владимир Максимов и Александр Галич.

Александр Глезер.

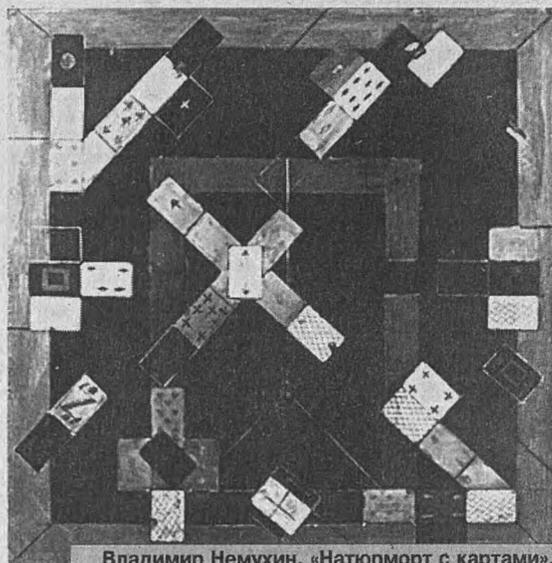
Коллекция начиналась с... Горкома

рамки официально декларируемого и тщательно оберегаемого социалистического реализма.

Эта экспозиция составлена из коллекции Александра Глезера, известного собирателя русского неформального искусства, человека, который так много сделал для того, чтобы русское изобразительное искусство, то самое, которое долго изгонялось из России властями, в конце концов вернулось в Россию. С ним беседует наш корреспондент.

— Саша, давайте начнем с самого начала. Как вообще родилась идея собирания картин, скульптур, рисунков? Насколько я знаю, Третьяков вам не родственник, так что генетически это передаться не могло.

— Это довольно забавная история. В 1966 году я познакомился с Оскаром Рабиным. И предложил ему организовать персональную выставку в клубе «Дружба», что на шоссе Энтузи-

Владимир Немухин. «Натюрморт с картами».

ксандровну Антонову за помощь в создании экспозиции. Представлены практически все направления современного русского изобразительного искусства. Неоконструктивизм (Владимир Немухин, Борис Свешников, Дмитрий Краснопецев), метафизический синтетизм (Михаил Шемякин и Олег Лягочев), неоконструктивизм (Гарри Файф), концептуализм (Илья Кабаков), соцарт (Виталий Комар и Александр Меламид). Список можно продолжить...

— Скажите, а изменилось ли что-нибудь

в отношении к этому пласту современного русского искусства со стороны общественности. То есть я имею в виду не то, лучше или хуже стали относиться к художникам. Несомненно, лучше. Но вот к их работам. Есть ли попытки как-то серьезно осмыслить то, что они делают? Не на уровне «здорово у тебя получилось», а серьезно, вдумчиво?

— В какой-то степени да. Третьяковка проводила выставки, этим же занимается Дом Нащокина. Но самое главное — это создание постоянно действующего Музея современного русского искусства. И не где-нибудь, а в Москве. Тогда и будут проведены настоящие исследования. Я уже много лет говорю об этом. И этому музею я передал бы свою коллекцию. Да и зарубежные собиратели и галереи тоже обещали помочь. Такой музей просто необходим. Жаль, что те, от кого зависит выделение помещения, этого не понимает...

— А разве вас всегда понимали?

— Ну что вы, Валера. Когда я уезжал, я сказал полковнику Конькову, тогда он был начальником следствен-

Борис Свешников. «Полет».

Мы открыли музей под Парижем в Монжероне. Кстати, остальные работы, которые мне не удалось вывезти, помогли переправить за границу мои друзья. Вывозя их, я знал, что когда-нибудь верну их на родину. Похоже, это время пришло. Я забыл сказать, что замок в Монжероне, название которого переводится как «Водяная мельница», раньше был приютом для эмигрантских детей-сирот. Поначалу наше создание называлось Русский музей в изгнании, а позже и до сих пор называется Музей современного русского искусства.

Затем мы организовали музей с тем же названием в Джерси Сити, под Нью-Йорком.

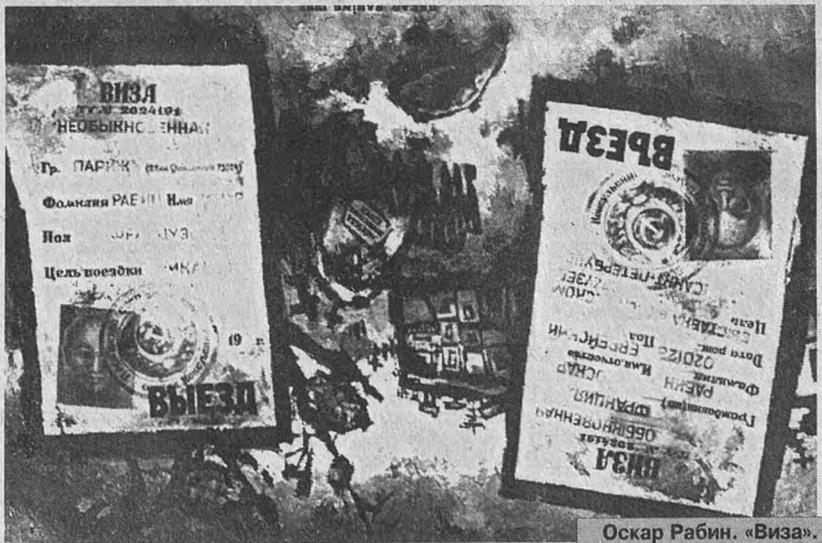
Музейные коллекции служили базой для выездных экспозиций. Они побывали во многих городах и странах.

— Да, Саша, все, как видно, возвращается на круги своя. Круг завершен, и кол-

лекция вернулась в Россию. Много работ из нее будет выставлено в пушкинском? — Будут представлены работы 83-х художников. Поначалу было отобрано 190 работ, но в экспозиции разместятся только 150. Все те же проблемы площадей. И здесь я хотел бы поблагодарить директора музея Ирину Алеванову, где я тогда работал. Оскар меня предупредил, что подобная затея может окончиться для меня печально. Ведь он был опальным художником. О нем уже были разгромные статьи и в «Совкультуре» и в других газетах. Но я настаивал. И тогда мы решили сделать не персональную выставку, а показать работы 12 художников, работы которых никак не укладывались в рамки этого самого соцреализма. Открытие было назначено на 22 января. Пришло более двух тысяч человек. Это мы определили по количеству пальто в гардеробе. А через два часа... выставку закрыли. Пришли чиновники из горкома. До сих пор помню их фамилии Пасечников и Абакумов. Потом пришлось объясняться в горкоме. И в ходе этих объяснений и разборки один майор ГБ мне сказал: «Вы — слепое орудие ЦРУ». А Абакумов на прощание дал «дружеский» совет: «Нравится вам это, собирайте и вешайте у себя дома».

Я и стал собирать. Сначала в своей комнате в коммунальной квартире, а когда заимел отдельную квартиру, то перенес экспозицию туда. Правда, места было мало, и пришлось сделать передвижные стены, чтобы хоть как-то разместить все работы.

— Но со временем вы вынуждены были покинуть страну. Что же слу-

Оскар Рабин. «Виза».

ного отдела ГБ Москвы и области: «Пожалуйста, что выгоняете. Они еще будут выставляться». — «Никогда!» — ответил он. И, как видите, ошибся. Зато теперь он уже генерал.

— А экспозиция открывается. И будет проходить с 20 сентября по 22 октября.

Валерий ЧААВА